

Е Цзюньшу снова пришел к дому дяди Лэя. В длинном переулке было пусто и неудобно: должно быть, соседи из суеверия старались не выходить на улицу рядом с домом, где только что были похороны — двери всех домов были плотно заперты.

Подойдя к калитке мясника, он хотел постучать, но обнаружил, что дверь приоткрыта.

Он толкнул её и вошел: — Дядя Лэй?

Цзычжоу прошел вглубь двора, окликая хозяина, но ответа не последовало. Отбросив вежливость, он заглянул во все комнаты и пристройки. Обыскав дом сверху донизу, он понял: внутри никого нет. Дяди Лэя не было дома. Тревога усилилась. Он заметил, что личные вещи вроде бы на месте, значит, мясник не собирался уезжать надолго. Единственное, что точно исчезло — это набор его тяжелых ножей для разделки туш...

Дурное предчувствие захлестнуло Е Цзюньшу. Неужели дядя Лэй... в ослеплении горем решил отправиться мстить? Второго господина Мина всегда сопровождала охрана, явно обученная боевым искусствам. Одиночке было не подступиться. Безрассудная попытка мести не только не принесет возмездия, но и будет стоить дяде Лэю жизни.

Е Цзюньшу ни в коем случае не мог безучастно смотреть, как дядя Лэй приносит себя в жертву ради напрасной мести. Он поспешно отправился на поиски его следов.

Е Цзюньшу сам ненавидел Минов до глубины души, но как бы сильна ни была эта ненависть, он не мог позволить себе действовать импульсивно. Если он отбросит всякую осторожность, у него, возможно, и будет шанс на убийство, но если Мин Второй погибнет, его высокопоставленные покровители обязательно проведут расследование до конца, и тогда Цзычжоу неизбежно будет разоблачен.

Будь он один — это бы не имело значения, но у него столько маленьких братьев... Е Цзюньшу не мог подвергать их опасности. Он должен был найти идеальное решение: уничтожить врага и при этом гарантировать собственную безопасность. Он всё еще был слишком слаб...

Е Цзюньшу несколько раз обошел почти весь город, но так и не нашел человека. Ему приходилось проявлять крайнюю осторожность, чтобы не столкнуться с людьми семьи Мин.

Видя, что небо уже темнеет, он встревожился еще больше и в конце концов решил применить тактику «ожидания зайца у пня». Раз дядя Лэй решился идти до конца, велика вероятность, что он затаился где-то поблизости от поместья Минов или там, где может появиться Мин Второй.

Цзычжоу незаметно проследил за слугами Минов и узнал, что Мин Второй развлекается в «Башне весеннего ветра» (Чуньфэнлоу). Избегая толпы, он направился напрямик туда. Хотя Е Цзюньшу никогда не бывал в подобных заведениях, он знал, где оно находится.

Скрыв свое присутствие, он стал незаметно искать следы дяди Лэя поблизости. К сожалению, поиски не увенчались успехом, но сильное предчувствие подсказывало ему: дядя Лэй обязательно появится здесь.

На этой улице жизнь сейчас была ключом. Несмотря на общую бедность уезда, всегда находились гости, желающие поразвлечься. Издалека доносился кокетливый смех гэр из заведения. Е Цзюньшу поежился от отвращения и сосредоточил всё внимание на окрестностях.

Когда луна склонилась к западу, у входа в «Башню весеннего ветра» началось оживление.

Цзычжоу вострепнулся. К дверям подали роскошный экипаж, и в окружении толпы прихлебателей из заведения вышел Мин Пэнкунь.

— Не надо меня держать, я не пьян! Не пьян... — глаза Мин Пэнкуня были мутными, он покачивался, не забывая обнимать по обе стороны двух хрупких и красивых гэров. — Красавицы, ступайте за мной, будете жить в роскоши, горя не знать!

— Господин~ вы только не обманите нас...

— ...

Взгляд Е Цзюньшу дрогнул: он заметил темную фигуру, которая, пригнувшись, медленно приближалась к людям у кареты из переулка слева.

Сердце Цзычжоу похолодело. Он стремительно бросился вперед, ловким приемом перехватил руку, скрывающую что-то за спиной, и быстро втащил человека в тень переулка. Его действия вызвали яростное сопротивление; если бы Е Цзюньшу не занимался боевыми искусствами несколько лет, он бы не смог удержать нападавшего.

Затолкав его вглубь темного переулка, Цзычжоу негромко крикнул:

— Дядя Лэй, это я!

Черная тень — а это действительно был дядя Лэй, которого Цзычжоу искал весь день — на мгновение замерла. Е Цзюньшу решил, что тот пришел в себя, и немного расслабил хватку, но мясник тут же попытался вырваться. Если бы реакция Цзычжоу не была мгновенной, дядя Лэй уже бросился бы наружу.

Юноша мертвой хваткой обхватил его сзади и потянул назад:

— Дядя Лэй, не делайте глупостей! Рядом с Мин Вторым всегда охрана, к нему не подступиться. Бросьтесь сейчас — значит принести напрасную жертву. Подумайте о Пань-гэре, он был таким добрым, он бы не хотел, чтобы вы так бессмысленно лишились жизни!

Из груди дяди Лэя вырвался звук, похожий на рычание разъяренного зверя. Е Цзюньшу было больно это слышать, но он не мог позволить ему идти на верную смерть и удерживал его изо всех сил.

Пока они боролись, Мин Пэнкунь с помощью слуг забрался в карету, прихватив с собой двух «красавиц». В сопровождении охраны экипаж с цокотом уехал. Дядя Лэй провожал карету налитыми кровью глазами, и сила его сопротивления постепенно пошла на убыль.

— Если с вами что-то случится, душа Пань-гэра не обретет покоя. Дядя Лэй, я могу вам помочь, поверьте мне! — Е Цзюньшу, боясь, что тот всё же бросится в погоню, встал перед ним и крепко сжал его руки. — Поверьте мне, дядя Лэй! Если хотите отомстить за Пань-гэра, поверьте мне в этот раз!

Весь перепачканный дядя Лэй уставился на Е Цзюньшу свирепым взглядом. Отточенный до блеска нож для забоя скота сверкнул в его руках холодным лезвием. Е Цзюньшу ни капли не испугался.

Он прямо посмотрел дяде Лэю в глаза и отчетливо произнес каждое слово:

— У меня есть способ отомстить. У меня есть план, как нанести Мин Второму смертельный удар! Отомстить за Пань-гэра!

Ярость в глазах дяди Лэя постепенно сменилась проблесками рассудка, но взгляд оставался тусклым и безжизненным. Сердце Е Цзюньшу сжалось от жалости.

Он медленно подошел ближе и прошептал:

— Дядя Лэй, послушайте меня...

С большим трудом Е Цзюньшу выпроводил дядю Лэя из города и только тогда отправился домой под светом луны. У дверей его снова ждали Лу-гэр и Сяо Шань. Увидев растрепанный вид брата, Сяо Шань, кажется, догадался, что что-то случилось, и несколько раз порывался что-то сказать, но сдерживался.

Наслаждаясь безмолвной заботой братьев, Е Цзюньшу объяснил:

— Простите, что заставил волноваться. Я хочу успеть подготовиться к уездному экзамену через четыре месяца, поэтому придется налечь на учебу. В ближайшее время буду часто бывать в уезде, уходить рано и возвращаться поздно. Сяо Шань, хозяйство в доме теперь на тебе.

Слыша это, Сяо Шань с облегчением выдохнул. Он-то думал, что у брата в городе серьезные неприятности, а оказалось — учеба. Сейчас у старшего брата ответственный период, они, как младшие, не должны тянуть его назад, а должны поддерживать во всём! Но...

— Брат, тебе нужно хорошенько поговорить с Цинь-гэром и близнецами. Они тебя давно не видели и уже несколько раз капризничали. Сяо Шань едва с ними справлялся.

Е Цзюньшу с улыбкой кивнул:

— Завтра же поговорю с ними.

Лу-гэр обеспокоенно смотрел на брата, понимая, что его отлучки в город в эти дни вовсе не связаны с учебой, как он говорит.

— Брат...

Е Цзюньшу погладил Лу-гэра по голове:

— Будь умницей, иди спать. Завтра мне не нужно уходить так рано.

На самом деле дети уже не были такими привязчивыми, как раньше — они подросли и стали куда разумнее, просто за эти два дня соскучились. Е Цзюньшу всё им объяснил и пообещал, что после экзаменов больше не будет уезжать так надолго. Близнецы послушно пообещали вести себя хорошо и не расстраивать брата.

Решив, что учитель уже должен был немного остыть, Цзычжоу нашел возможность пригласить Цинь Яоляна посидеть в чайной. Едва увидев Е Цзюньшу, Яолян не мог перестать смеяться. Его смех был настолько заразительным, что Цзычжоу тоже невольно улыбнулся.

— Над чем ты смеешься?

— Ой, Цзычжоу, ты не представляешь! Мой отец... ох, уморил! — Яолян одной рукой оперся на плечо друга, а другой держался за живот. — Ты ведь вчера не пришел обедать? Шиму узнал об

этом, начал расспрашивать и выяснил, что отец тебя отругал. Услышав причину, он тут же устроил отцу разнос! Ты бы видел это — отец слова не смел вставить! Я впервые видел, чтобы шиму так злился...

Е Цзюньшу представил эту сцену и не смог сдержать смешка:

— Почему шиму так рассердился?

— Из-за того, что отец к тебе придирается на пустом месте! Шиму полностью поддерживает твоё решение идти на экзамены. В этом году даже лучше попробовать — наберешься опыта. И вовсе не обязательно сразу сдать, само участие поможет лучше подготовиться к следующему разу! Я тоже так считаю. А отец из-за этого на тебя набросился — как тут шиму не разозлиться?

Е Цзюньшу горько усмехнулся. На самом деле учитель злился не из-за этого — он почувствовал, что мысли ученика стали предвзятыми и резкими...

Осознав, что именно в этом крылась причина его малых успехов в самообучении, Е Цзюньшу начал всерьез рефлексировать. Однако от планов на экзамен в этом году он отступать не собирался: он не упустит ни единого шанса.

— И еще, твои работы ведь остались в школе? Так вот, я подслушал: он перечитывал их снова и снова, причем с явным восхищением! Говорил, что слог у тебя живой, мысли свежие, и вообще — это глоток чистого воздуха... На самом деле всё не так уж плохо, верно? Так что, Цзычжоу, не вешай нос. Ты по-прежнему очень одарен... нет, ты стал еще талантливее, чем прежде.

Е Цзюньшу с сомнением покосился на друга: «Ты это сейчас сам не сочинил?» Ведь буквально на днях учитель честил его работы на чем свет стоит, называя их сущим сумбуром.

— Да ты не верь на слово! Смотри, я принес твои сочинения, там и пометки отца есть!

Цинь Яолянь положил перед ним стопку листов. Е Цзюньшу взял их и углубился в чтение. Что ж, достоинства действительно отмечались: под каждым текстом стояла пара хвalebных фраз, но за ними следовали длинные тирады разгромной критики. Учитель беспощадно указывал на каждое неуместное слово. Цзычжоу так и видел перед собой разгневанное лицо наставника, который, брызжа слюной, разносит его в пух и прах.

Он посмотрел на Цинь Яоляня, но тот лишь насвистывал, глядя по сторонам и старательно избегая его взгляда.

— Учитель всё еще сердится?

— Да давно уже нет, просто лицо терять не хочет. В общем, тебе как ученику нужно просто дать ему повод сменить гнев на милость, — хихикнул Яолянь. — Перепиши пару сочинений, и когда отец увидит твой прогресс, он перестанет строить из себя сухаря.

Е Цзюньшу кивнул: — Спасибо тебе, шицюн.

Яолянь лишь небрежно махнул рукой.

Пока братья мирно пили чай, из общего зала донесся шум и громкие голоса. Цинь Яолянь нахмурился и со старческим видом покачал головой:

— Нынешние студенты... с каждым годом всё хуже и хуже.

При этом он так вытянул шею и прислушался, что противоречил сам себе.

Е Цзюньшу: «...»

— Эти разбойники с Линьцзянского тракта совсем обнаглели! Мало им грабежей, так они еще столько людей загубили! Такое злодеяние нельзя оставлять безнаказанным — только казнь усмирит народный гнев!

— А если бы кто-то смог уничтожить эту банду, разве это не стало бы великой заслугой? Чины и награды были бы обеспечены!

— За такой подвиг любой чиновник, рискнувший возглавить поход, мог бы удостоиться аудиенции у самого императора и получить перевод в столицу. А у подножия трона Сын Неба не оставит таланты без внимания — там и до истинного процветания рукой подать!

— Ваши слова разумны, господа...

— Жаль только, что мы всего лишь бедные ученые. У нас нет ни солдат, ни коней, так что всё это лишь пустые мечты.

— А что, если...

Яолян, наслушавшись вдоволь, разом потерял интерес. Он скривил губы:

— И почему сейчас на каждом углу только и обсуждают этих бандитов?

Взгляд Е Цзюньшу на миг замер. Он невозмутимо ответил:

— Неудивительно, что все так заинтересованы. Разбойники натворили немало бед, и тот, кто их истребит, действительно совершит великое дело. Для некоторых это ведь прямой путь вверх, не так ли?

— Нам, простому люду, до этого дела нет, — отрезал Яолян. — Это забота власть имущих.

У них не было ни людей, ни оружия, да и должностей они не занимали. Даже если бы они хотели выслужиться, это было не их уровня дело.

Е Цзюньшу лишь улыбнулся и, сложив бумаги, поднялся:

— Уже поздно, мне пора. Загляну к тебе через пару дней.

— Уже уходишь? — Яолян заметно расстроился.

Он с таким трудом вырвался на волю, чтобы глотнуть свежего воздуха.

Цзычжоу похлопал его по плечу:

— Тебе пора за книги. Seriously.

Шицюн скорчил кислую мину.

— Подумай о своих конфискованных рукописях.

Яолянь: «...»

— Трудись, я в тебя верю!

В ответ раздался лишь жалобный стон шицюна, схватившегося за голову.

<http://bllate.org/book/15226/1366761>